

Информация для цитирования:

Чалбанова К. В. Реликты древнего культа солнца в фольклорной и обрядовой традиции калмыков / К. В. Чалбанова, Б. А. Бичеев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 284—303. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-284-303.

Chalbanova, K. V., Bicheev, B. A. (2025). Relics of Ancient Sun Cult in Folklore and Ritual Traditions of Kalmyks. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 284-303. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-284-303. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Реликты древнего культа
солнца в фольклорной
и обрядовой традиции
калмыков**

Чалбанова Карина Вячеславовна

orcid.org/0000-0002-5987-8825

научный сотрудник,

корреспондирующий автор

chalbanovakv@gmail.com

Бичеев Баазр Александрович

orcid.org/0000-0002-9352-7367

доктор философских наук, профессор

baazr@mail.ru

Калмыцкий государственный
университет имени Б. Б. Городовикова
(Элиста, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках
государственного задания

Министерства науки и высшего
образования Российской Федерации
(№ 075-03-2024-113

«Буддизм и глобальные вызовы
современного мира»)

**Relics of Ancient Sun Cult
in Folklore and Ritual
Traditions of Kalmyks**

Karina V. Chalbanova

orcid.org/0000-0002-5987-8825

Researcher,

corresponding author

chalbanovakv@gmail.com

Baazr A. Bicheev

orcid.org/0000-0002-9352-7367

Doctor of Philosophy, Professor

baazr@mail.ru

Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov
(Elista, Russia)

Acknowledgments:

This research was conducted a
s part of the state assignment
of the Ministry of Science and Higher
Education of the Russian Federation
(№ 075-03-2024-113

“Buddhism and Global
Challenges of the Modern World”)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются реликты древнего культа поклонения солнцу, сохранившиеся в содержании мифов, сказочном фольклоре и в обрядовых действиях калмыков. Цель статьи — выявить следы древнего культа в фольклорной и обрядовой традиции, определить их символическое значение в сказочных сюжетах и обрядовых действиях. Материалом для исследования послужили образцы мифов, волшебных и богатырских сказок, а также обряды жизненного цикла. Доказано, что концепция божественности солнца и ее влияния на земную жизнь стала основой многих религиозно-мифологических представлений, следы которых обнаруживаются в разных аспектах духовно-религиозной жизни народа. Сообщается, что древний буддистский календарный праздник Зул отмечается в дни зимнего солнцестояния. Анализ мифов, волшебных и богатырских сказок позволил выявить значимые мотивы: (1) так, с восходом солнца герой обретает волшебные предметы, сбываются загаданные им желания, выявляются следы нечистых сил; (2) отправляясь в путь, сказочные персонажи непременно начинают движение «посолонь», то есть по ходу движения солнца «в правильном направлении» (зөв эргэд), что сопряжено с устойчивым представлением об удачном свершении задуманного. Показано, что древняя концепция божественности небесного светила проявляется в наделении сказочного героя солярными признаками.

Ключевые слова:

культ солнца; солярные мифы; сказочный фольклор; обряд; обрядовый фольклор; символика солнца в традиции калмыков; календарные праздники калмыков.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the remnants of the ancient sun worship cult that have persisted within the myths, fairy tales, and ritual practices of the Kalmyk people. The aim of the study is to identify traces of this ancient cult in folklore and ritual traditions, and to determine their symbolic significance in fairy tale narratives and ceremonial actions. The research material includes samples of myths, magical and heroic tales, as well as life-cycle rituals. It is demonstrated that the concept of solar divinity and its influence on earthly existence has formed the foundation for numerous religious and mythological beliefs, traces of which can be found in various aspects of the spiritual and religious life of the Kalmyk people. The article notes that the ancient pre-Buddhist calendar festival of Zul is celebrated during the winter solstice. An analysis of myths, magical tales, and heroic epics reveals significant motifs: (1) with the rising sun, the hero acquires magical objects, wishes are fulfilled, and traces of malevolent forces are revealed; (2) when embarking on a journey, fairy tale characters invariably begin their movement “following the sun,” that is, in the direction of the sun’s path, which is associated with a steadfast belief in the successful completion of their endeavors. It is shown that the ancient concept of celestial divinity manifests in endowing the fairy tale hero with solar attributes.

Key words:

sun cult; solar myths; fairy tale folklore; ritual; ritual folklore; symbolism of the sun in Kalmyk tradition; Kalmyk calendar festivals.

УДК 398.2(470.47)

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-284-303

Научная специальность ВАК

5.9.4. Фольклористика

Реликты древнего культа солнца в фольклорной и обрядовой традиции калмыков

© Чалбанова К. В., Бичеев Б. А., 2025

1. Введение = Introduction

Поклонение солнцу как божеству, изгоняющему тьму и смертельный холод, дарующему свет и животворящее тепло, существовало у разных народов мира. Совершая извечный круговорот по небесному своду, солнце определяет смену дня и ночи, время дневной деятельности и ночного сна человека, смену природных и жизненных циклов, сезоны возрождения и увядания в природе, жизни и смерти человека. Могущественному солярному божеству издревле совершали жертвоприношения и молили его о благополучии, поскольку человек воспринимал солнце как мистический фактор жизненного и природного равновесия [Сефербеков, 2007; Сем, 2020; Мартынова и др., 2020].

Культе небесного светила имел особое значение и в этнической культуре калмыков, что нашло свое отражение в мифах, сказках и в некоторых обрядах жизненного цикла. В работах калмыцких исследователей при анализе мифов и легенд, при описании персонажей калмыцких сказок, формул и мотивов сказочных сюжетов отмечаются следы древнего культа поклонения солнцу [Очиров, 2006; Надбитова, 2011; Горяева, 2011; Сарангов, 2012; Манджиева, 2017]. В трудах калмыцких этнологов, в которых исследованы свадебные и календарные обрядовые действия, также отмечены реликты этого древнего культа [Бакаева, 2003; Хабунова, 2005].

Исследователи отмечают, что у калмыков особо почитались красный и желтый цвета. Красный цвет связывали с солнцем. Желтый ассоциировался с золотом и воспринимался как застывший солнечный цвет. Культ Солнца у калмыков присутствовал во многих аспектах культуры: в оформлении жилища, в вышивке, одежде и др. Солярный культ, можно сказать, пронизывает всю культуру калмыков, что прослеживается в обрядах и обычаях, с ним связано множество примет [Мушаев 2021; Убушиева 2022].

Вход в кибитку у калмыков находился на южной, или передней, стороне. Такая ориентация основывалась на положении солнца, где югу соответствовал восход солнца, то есть восток, а северу — запад, что соот-

носится с представлениями древних тюрок о сторонах света [Болдырева и др., 2019, с. 125]. В мировидении калмыков существенное значение имела солярная символика пространства, проецируемая в пространстве кибитки. Деревянная конструкция кочевого жилища окрашивалась в красный цвет солнца. На этом фоне выделялся круг дымохода, в котором виднелось синее небо. Цвет солнца как символа жизни проецируется на огонь домашнего очага. Полушара кибитки представляет собой своеобразные «солнечные часы», где «стрелкой» являются лучи солнца, попадающие внутрь жилища через дымоход [Батырева и др., 2021, с. 80—91].

Непосредственно теме отражения элементов культа солнца в сказочном и обрядовом фольклоре посвящены две работы. В одной из них раскрывается семантика бараньей головы в свадебных обрядах калмыков [Шараева, 2019]. Другая работа посвящена рудиментам солярной мифологии в эпосе «Джангар» [Селеева, 2011]. Однако в этих трудах элементы солярной мифологии рассматриваются лишь как дополнение к сказочному тексту или обрядовому действию, но сам культ поклонения солнцу не выступает объектом исследования.

Цель данного исследования — выявить следы древнего культа поклонения солнцу в фольклорной и обрядовой традиции калмыков, определить их символическое значение в контексте сказочных сюжетов и обрядовых действий, исходя из того, что культ солнца в древних верованиях имел влияние на многие аспекты жизнедеятельности человека.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основным материалом исследования послужили тексты калмыцких мифов и преданий, волшебных и богатырских сказок, опубликованных в трех томах свода калмыцкого фольклора [Мифы ..., 2017; Калмыцкие богатырские ..., 2017; Калмыцкие волшебные ..., 2020], а также тексты мифов, легенд, преданий и сказок из других сборников [Семь ..., 2004]. Для достижения поставленной цели в исследовании применялся структурно-описательный метод сюжетных мотивов сказок, в которых сохранились следы культа солярного божества, а также метод сравнительно-сопоставительного анализа при описании обрядов жизненного цикла, уточняющих или развивающих тот или иной аспект культа солнца.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Мифология как результат духовно-практического освоения мира в целом или его элементов является фундаментальным основанием этнической культуры. Миф хранит в себе исходные этнические представления о сотворении мира, которые отражают процесс сотворения упорядоченного кос-

моса из неупорядоченного хаоса. Поэтому содержание мифа для этноса — это некая изначальная истина, поскольку она соответствует структуре его глубинного переживания. В космогонических мифах особое место занимает мифологизация солнца. Небесное светило как источник всепроникающего света олицетворяет непреложную истину, как источник живительного тепла — божественную энергию, создающую жизнь. Соответственно этим архаичным представлениям жизнь человека отождествлялась со светом и божественной энергией солнца. Жизнь понималась как восход и свечение солнца, смерть — закат солнца и странствие во тьме.

3.1. Космогонические и солярные мифы калмыков

Культ солнца возник в глубокой древности вследствие жизненной потребности человека в солнечном свете и тепле. В мифологическом сознании прочно укоренилось представление о том, что существующий мир возник в результате преодоления хаоса, мрака, то есть с появлением солнца и луны. К числу архаических относятся солярные мифы, например, мифы о возникновении солнца, о солнечных затмениях, уничтожении лишних солнц. Несмотря на то, что архаичная мифология калмыков была разрушена под натиском мощной эпической традиции, а в поздний период произошла вторичная мифологизация сознания этноса в процессе принятия буддизма, в космогонических мифах сохранилась древнейшая структура этнического миропонимания [Михайлов, 1971, с. 26—27].

Древнейшая тема мифов многих народов мира — это сотворение мира в целом или его фундаментально значимых элементов. Не является исключением и калмыцкая мифологическая традиция, в которой в сотворении мира участвуют божества буддийского пантеона. В мифе «Араха закрывает Луну и Солнце» («*Сар, Нариг Араха хаалһн*») повествуется о том, как защитник дхармы Ваджрапани (санск. *Vajrapāṇi*), правитель мира богов-небожителей Хормуста (др.-перс. *ahuramazdā*) и предводитель асуров Араха¹ (санск. *rāhu*), вырвав гору, стали пахтать мировой океан [Очиров, 2006, с. 79—80]. Таким способом они добывают солнце, луну и напиток бессмертия амриту (санск. *amṛta*; калм. *ариаан*).

Солнце и луна достаются Хормусте, амрита — Арахе. Ваджрапани становится обладателем добытой из океана разной опасной живности (змей, пауков, щук, волков и мышей), персонифицированной в образе огромного и черного существа с дурным видом. Затем Ваджрапани отправляется во владения Арахи и обманом овладевает амритой. Араха, облачившись

1 В индуистской традиции Раху — демон солнечного и лунного затмений [Словарь ..., 1996, с. 364]. В индийской астрологии он повелевает обманом и ассоциируется с аморальными поступками. В калмыцкой мифологии он выступает как демонический персонаж [Басангова, 2010].

в одежду небожителя, пытается вкусить амриту. Солнце и луна помогают разоблачить его. Ваджрапани метает в убегающего Араха свою ваджру и разрубает его на две части. Однако две его части продолжают самостоятельно существовать, поскольку Араха успел испить бессмертный напиток. Верхняя часть разрубленного демона, мстя солнцу и луне, периодически проглатывает их, а нижняя, ушедшая под землю, устраивает землетрясения [Семь ..., 2004, с. 35—43; Мифы ..., 2017, с. 32—43].

Содержание калмыцкого мифа о сотворении Луны и Солнца, а также других вариантов этого мифа свидетельствует о влиянии индуистского космогонического мифа, содержащегося в Пуранах и повествующего о битве дэвэв и асуров за обладание амритой, полученной при пахтании Молочного океана [Словарь ..., 1996, с. 364]. Однако в калмыцком варианте мифа сохранился акцент на древнем культе поклонения солнцу. В одном из вариантов этого мифа луна появляется из океана на серебряной колеснице, запряженной белой лошастью. Солнце же предстает на золотой колеснице, запряженной тремя соловыми конями. По велению буддийских божеств Солнце и Луна колесят вокруг Земли, которая была сотворена Буддой в виде черепахи, лежащей на панцире [Семь ..., 2004, с. 36]. Здесь отражена изначальная концепция божественности небесных светил и их влияния на земные дела, которые скрыты за доминирующим буддийским наполнением.

В другом варианте мифа говорится о том, что на берегу океана собрались боги-звезды, которые тогда жили на земле, чтобы добыть эликсир бессмертия — аршан. Самыми младшими среди них были малыши — Солнце и Луна. Кругом царили тьма, холод и хаос. Только звезды-боги были единственным источником света для себя. Когда им удалось добыть аршан, то Араха, воспользовавшись суматохой, успел обмакнуть в него свой палец, облизать его и обрести вечную жизнь. Лучники по подсказке Солнца и Луны выстрелили в ту сторону, куда бежал Араха, и рассекли его бессмертное туловище на две части. Пришло время, Боги-звезды расселились по всей Вселенной, а повзрослевшие Солнце и Луна остались освещать и обогревать землю [Семь ..., 2004, с. 41—43].

Этот вариант мифа более архаичен. В нем не ощущается столь явного влияния пуранического сюжета и более явно обозначены элементы исходного этнического представления о сотворении мира. Во всех известных вариантах этого мифа, если не брать во внимание поздние буддийские наслонения, Солнце и Луна являются основными объектами творения во времена изначального существующего Хаоса, который олицетворяет Араха. Символически он являет собой то, что неотъемлемо существует как необходимость для гармоничного уравнивания космоса. Сам по себе Араха не представляет опасности до тех пор, пока он не начинает воздейство-

вать на Солнце или Луну, создавая некоторую природную опасность в виде затмения, зноя, засухи, пожаров или лютого холода, землетрясения, тьмы.

В определенной мере в содержании калмыцкого мифа о сотворении солнца проглядываются и морально-этические установки. Указывая местонахождение Арахи, небесные светила совершают определенный моральный проступок, за что получают своего рода наказание: их периодически проглатывает «пострадавший» демон. Даже этиологические мотивы, которые связывают происхождение пятен на Солнце и Луне с привязанными к ним двумя частями тела Арахи, содержат некий морально-смысловой акцент [Семь ..., 2004, с. 43].

Таким образом, калмыцкие мифы о происхождении Солнца и Луны, как и вся мифология в целом, несмотря на разрушительное воздействие эпических традиций, а затем и мощное влияние буддизма, сумели сохранить в себе исходные этнические представления о сотворении мира и свидетельства формирования культа божественного Солнца.

3.2. Мифы и легенды о возвращении Солнца

Среди мифов и легенд о солнце, существующих у разных народов, привлекает внимание общий для некоторых культур сюжет о появлении на небосклоне трех солнц, грозящих испепелить земной мир [Мартынова и др., 2020]. В калмыцком фольклоре существует противоположный сюжет, связанный с исчезновением солнца. При этом речь идет не о мотиве солнечного или лунного затмения, а именно о намеренном закрытии солнца.

В калмыцком фольклоре много легенд и преданий, связанных с богатырем Йобогон Мергеном (букв. Пеший богатырь). Согласно сложившимся представлениям Йобогон Мерген был не только умелым охотником, метким стрелком, но и сильным и мудрым богатырем, защищавшим родные кочевья от врагов. Говорится, что с тех пор, как он научился ходить, нога его никогда не касалась стремени, поскольку не было коня, способного нести его на себе [Мифы ..., 2017, с. 240—243]. Однажды в Тибете солнце и луна перестали появляться на небе. Тогда Далай-лама обратился к ойратскому хану с просьбой прислать богатыря, который мог бы решить эту проблему. В Тибет был послан Йобогон Мерген, который метким выстрелом удалил темное начало (*харһуржасн юмн*), которое закрывало Солнце и Луну.

В основе этой легенды лежит символическое отражение исторического события, связанного с просьбой Далай-ламы V о военной помощи, с которой он обратился к правителям Джунгарии для подавления противоборствующего направления буддизма. В первой половине XVII века ойратские войска оккупировали Тибет, подавили представителей красношапочного буддизма и передали светскую и духовную власть в руки Далай-ламы. Для нас важен тот факт, что в данной легенде буддийское учение уподобляется

божественному культу Солнца, которое оказалось скрытым за темным началом, несущим тьму, холод и смерть.

Интересно, что эта же легенда о Ёобогон Мергене у калмыков Китая обрела новую историческую подоплеку. В ней повествуется о том, что в Пекин прилетела мифическая птица Гаруди и, сев на гору, закрыла собой солнце. Наступила долгая ночь и холод. Китайский император обратился к ойратам, которые недавно вернулись на историческую родину с берегов Волги, с просьбой прислать богатыря, способного убить царя птиц. Ёобогон Мерген прибывает в Пекин, но не убивает ее, поскольку, упав с горы, ее огромное тело накрыло бы собой весь город, а лишь ранит ее в крыло. В легенде говорится о том, что перо, выпавшее из крыла Гаруди, повредило стену Запретного императорского города. В данной легенде Солнце символически выражает силу и мощь калмыков, вернувшихся в родные кочевья, а мифическая птица — страх китайского императора. Неслучайно легенда заканчивается тем, что Ёобогон Мерген был отравлен в Пекине и по прибытии домой вскоре скончался.

Таким образом, даже в таких легендах, содержание которых тяготеет к символическому отражению значимых для этноса исторических событий, мы видим элементы древнего культа Солнца, важные для их содержания. В первой легенде солярное божество опосредованно символизирует свет буддийского учения, рассеивающего тьму разума. Во второй легенде благополучие народа на новом месте обитания не мыслится без небесного светила, для обретения которого совершается жертвоприношение лучшим представителем своего народа.

3.3. Культ Солнца в калмыцком свадебном обряде

Элементы древнего культа поклонения солнцу обнаруживаются во многих аспектах повседневной жизни калмыков, религиозных обрядах и календарных праздниках. Роль небесного светила в жизни калмыков и его почитание отражены в калмыцком фольклоре, в частности в сказках. Особенно отчетливо оно прослеживается в обрядовом фольклоре калмыков.

В свадебном обряде калмыков Солнце причисляется к числу священных объектов почитания. По мнению исследователей, в основе свадебного обряда многих народов лежит обряд похорон невесты или поминальный обряд [Еремина, 1991, с. 83]. Не является исключением и свадебный обряд калмыков. В калмыцком языке «выйти замуж» (*хэрд һарх, мордх*) дословно означает «отправится к чужим», «отправиться в путь». Семантически это означает «уйти (отправиться) в страну мертвых» [Бичеев, 2005, с. 531]. Невеста после совершения определенных обрядовых действий становится «чужой» в своем доме, и в семантическом значении проводы невесты из дома превращаются в прощальную похоронную обрядность [Шараева, 2019, с. 144].

Вхождение невесты в семью жениха сопровождается рядом знаковых обрядов, соотносимых уже с обрядами родильного цикла. Прежде всего, невеста совершает молитвенный ритуал поклонения на пороге жилища родителей жениха, стоя на коленях на специальной кошме и держа в руках вместе с женихом малую берцовую кость жертвенной овцы. О том, насколько важным был этот ритуал в свадебном обряде калмыков, свидетельствуют упоминания о нем в текстах сказок. Так, главный герой одной сказки Манджин Зарлик во время женитьбы на небесной деве совершает ритуальное поклонение Солнцу, держа в руках малую берцовую кость барана [Калмыцкие волшебные ..., 2020, с. 222].

Во время ритуала поклонение совершается Солнцу (*Шар Нарнд*), Очагу (*Гал-хулмтд*) и Берцовой кости (*Шаха-чимгнд*). Семантически все три объекта поклонения представляют разные аспекты главного солярного божества — Солнца. В первой из трех древних формул поклонения Солнце наделено качественным цветовым эпитетом ‘желтый’ (*шар*). Желтый цвет содержит многозначную семантическую нагрузку. С одной стороны, это непосредственно само Солнце как божество, собственно солнечный мир и сама земная жизнь. С другой — семантика религиозной и этнической принадлежности. Именно такая сконцентрированная и глубокая семантика скрыта в пестро-желтом цвете знамени (*шар цоохр туэ*) повелителя мира и страны Бумбы Джангара.

Очаг семантически восходит к солярному божеству. Его связь с солнцем очевидна не потому, что очаг тоже представляет собой своеобразный источник света и тепла, но прежде всего из-за его взаимной связи с Солнцем, которая вертикально осуществляется через дымоход кочевой юрты. Запах жертвенной пищи от очага устремляется вверх к божеству, а божественная благодать ниспадает в юрту через дымоход на домашний очаг.

В архаическое время визуальная модель мира или ее отдельные элементы ассоциировалась с определенными животными. К примеру, образом модели мира у одних народов Евразии был олень, у других Солнце ассоциировалось с бараном [Сем, 2020; Шараева, 2019]. Взаимосвязь барана с солярным божеством присутствует в культурах многих народов [Вольная и др., 2016]. Определенные части жертвенного барана (малая берцовая кость, голова) были обязательным атрибутом свадебного ритуала у калмыков, что и нашло свое отражение в формуле поклонения малой берцовой кости. В кочевой культуре калмыков круторогий баран символизировал энергию солнца и плодородия. Поэтому на лоб сваренной головы жертвенного животного наносились надрезы в виде креста (солярный знак), а края надрезанной кожи загибались наружу.

Еще один свадебный обряд, с которым связан баран как символ солярного божества, известен в виде обряда выбрасывания через дымоход кибитки новобрачных головы барана [Шараева, 2018]. Этот специфический ритуал существует в свадебном обряде ряда тюрко-монгольских народов. Несмотря на некоторые различия в его исполнении и количестве принимавших в нем участие лиц, следует отметить, что в целом он состоял в троекратном выбрасывании или забрасывании сваренной бараньей головы через дымоход юрты.

Исследователи по-разному толкуют семантику этого древнего обряда. Одни утверждают, что это действие открывает дымоход и способствует проникновению света и счастья в юрту молодой семьи [Галданова, 1992, с. 73]. Другие отмечают, что благодаря этому обрядовому действию через дымовое отверстие будет выходить дым, следовательно, молодожены не будут ни в чем нуждаться [Душан, 2016, с. 141]. Третьи видят в нем своеобразную санкцию на полноценную жизнь кочевника [Шараева, 2019, с. 76].

Нам представляется, что этот обряд есть некое символическое повторение мифологического воссоздания мира. Троекратное выбрасывание бараньей головы в дымоход юрты символически воспроизводит акт творения — пахтание мирового океана и сотворение солнца, луны и амриты. Обрядовое действие символически открывало вертикальную взаимосвязь очага с солярным божеством с помощью головы жертвенного животного, олицетворявшего энергию божественного Солнца.

3.4. Культ Солнца в калмыцких календарных праздниках

Элементы древнего культа поклонения Солнцу прослеживаются и в национальных праздниках калмыков. В калмыцкой кочевой культуре существуют два больших календарных праздника — *Цаган сар* (Белый месяц) и *Зул* (Лампада). Корни этих двух значимых в жизни кочевников праздников уходят в глубокую древность, несмотря на то, что с принятием буддизма они наполнились новым религиозным содержанием. Однако по своей сути, они непосредственно связаны с культом почитания Солнца, что, собственно, и лежит в основе этих двух календарных праздников и сопровождающих обрядовых действий.

Наиболее торжественный для буддийской церкви и любимый народом праздник *Цаган сар*, или *Цаган*, сопровождается большими молебнами и народными гуляниями. По лунному календарю он выпадает на первое число первого весеннего месяца, который, как правило, приходится на месяц февраль григорианского календаря. Относительно причин установления этого праздника исследователи приводят разные сведения. Торжественные молебны первых двух недель нового месяца в буддийских храмах связаны с легендарными событиями жизни Будды Шакьямуни: снисхождением его

во чрево матери в виде белого слоненка, проявлением им великих чудес и победой над шестью учителями-еретиками [Позднеев, 1993, с. 276—281; Бадмаев, 1898].

Однако в основе этого важного в жизни кочевников праздника лежит древний обряд поклонения Солнцу в преддверии дня весеннего равноденствия, который издревле символизировал наступление времени, когда темная и холодная зима постепенно начинала уступать место весеннему теплу и солнцу. Легендарное обоснование этого древнего праздника хотя и обросло буддийскими наслоениями, но, по сути, отсылает к мотиву освобождения Солнца из плена зимней тьмы и холода. Согласно одной легенде, некогда люди жили благополучно и счастливо под управлением одного царя, супруга которого была беременна. Прорицатели предсказали, что царица родит сына, который будет столь жестоким и кровожадным, что истребит весь людской род. На помощь скорбящим людям приходит *Окон-Тенгри* (Дева-Богиня), которая похищает ребенка в момент его рождения и бросает его в бездонную пропасть [Бадмаев, 1898, с. 136].

В другом варианте этой легенды повествуется о том, что некогда на земле жили безгрешные, подобные небожителям (*тенгриям*) люди, созданные Буддой Амитабхой (санск. *Amitābha*). Они были *хубилганами* (перерожденцами), и их тела испускали свет. Когда их число увеличилось, то на землю явился Эрлик Номин-хан, который сумел подчинить их себе и стал сеять среди них беспорядки. Тогда Бодхисаттва Манджушри (санск. *Mañjuśrī*) явился на землю в образе свирепого Ямантаки (санск. *Yamāntaka*), чтобы избавить людей от Эрлик Номин-хана, низвергнув его в преисподнюю. Эрлик Номин-хан стал повелевать царством тьмы.

Завидя людям, которые жили счастливо, не зная бед и болезней, благодаря благотворному действию солнечных лучей, он напал на землю и проглотил Солнце. Землю покрыла тьма, распространились болезни, несущие смерть всему живому. Сжалившись над людьми, *Окон-Тенгри* решила им помочь. Она приняла угрожающе безобразный вид и явилась в царство тьмы к Эрлик Номин-хану. Сразившись с ним, она ударом копья рассекла ему живот и освободила солнце, которое вновь стало освещать и обогреть землю.

Существуют и другие варианты этой легенды, которые также основаны на мотиве освобождения солнца из плена чудовища. Несмотря на их разнообразное содержание, основа повествования восходит к древнему почитанию солярного божества. Ожидание весеннего пробуждения природы было связано с неизбежным усилением солнечного тепла и продолжительностью дневного времени после наступления дня весеннего равноденствия. Для утверждения этого важного в жизни людей переходного

времени в глубокой древности, по всей видимости, совершались большие молебны с жертвоприношениями.

Среди других элементов праздника, связанного с поклонением Солнцу, следует указать на приготовление ритуальной пищи из теста (калм. *боорцэ*) — символических фигурок домашних животных разной формы, которые выкладывались на самую большую лепешку (калм. *целег*), вылепленную в форме Солнца, лучи которого обозначались зашипанными краями теста.

Другим не менее важным календарным праздником в жизни калмыцкого кочевого общества был праздник Зул, в основе которого также лежит обряд поклонения Солнцу. Он отмечался 25 числа десятого месяца лунного календаря, в преддверии самого короткого дня и самой долгой ночи в году — дня зимнего солнцестояния. Символично название праздника — Зул, то есть праздник зажженных лампад¹. В традиции буддийской церкви этот день отмечается как день памяти реформатора буддизма Цонкапы (1357—1419). Интересно, что от древнего культа поклонения Солнцу в буддийской храмовой службе сохранились время наступления праздника и ритуал зажигания многочисленных лампадок. Торжественный молебен начинается в вечернее время, когда на небе появляется созвездие Плеяды (калм. *Мөчн одн*). Внутри и снаружи храма зажигают большое количество лампадок.

Исследователи отмечают, что обряды, проводимые в день праздника лампад Зул, имели символику прибавления силы солнцу. Об этом свидетельствует обычай установки ледяного колпака над лампадой, которая растопит лед, как бы символизируя таянье застывшего на зиму небесного свода [Бакаева 2020, с. 672—677]. В самом названии праздника Зул (*лампада*) отражено древнее ритуальное действие, которое было призвано «помочь» солярному божеству преодолеть самую темную и долгую зимнюю ночь в году. Люди возжигали множество лампадок и жертвенных костров, как бы призывая Солнце вернуться на землю, увеличить силу своих лучей. С этого дня ночная тьма постепенно начинала уступать свое время дневному свету.

Специфика этого праздника, заключенная в возрождении Солнца, сказалась и на обрядовых праздничных действиях калмыков. Прежде всего, Зул отмечается как семейный праздник, на котором каждый член семьи прибавляет к своему возрасту один год. Зул — это своего рода общий день рождения для всего народа. Поэтому по традиции в этот день произносится благопожелание долгой жизни.

1 Интересно, что калмыцкий праздник Зул, отмечающийся 25 числа десятого месяца лунного календаря, совпадает с днем праздника еврейской Хануки, во время которого возжигаются восемь свечей.

Таким образом, сохранившиеся реликты солярного культа в мифологии и календарных праздниках свидетельствуют о том, что в прошлом культ Солнца, как и культ Луны и Неба, послужил той основой, на которой сформировалась этническая картина мира калмыков.

3.5. Реликты солярных культов в сказочном фольклоре

В калмыцком лунном календаре день делится на двенадцать отрезков, каждый из которых включает два часа. Самым тяжелым временем ночи считается час Быка (01:40–03:40). Согласно поверьям, что каждое время суток оказывает свое благоприятное или негативное влияние на человека. Утренние часы считаются наиболее благоприятными для начинания и завершения задуманного, а вечерние часы неблагоприятными для любых начинаний.

Такие общепринятые установки настолько вжились в сознание народа, что традиционные представления о движении по ходу солнца (посолонь), обычай начинать задуманное с утра, стремление завершить задуманное до захода солнца являлись вполне естественными в повседневной жизни человека. Они нашли свое отражение даже в сказочном фольклоре калмыков. Понятие «правильный поворот» (досл. *«зөв эргэд»*) означает движение по ходу солнца, играющее важную роль, поскольку сопутствует удаче. Поэтому герои сказки начинают свой путь «по ходу солнца» или «повернув [кося] по ходу солнца».

Восприятие пространства в культуре калмыков связано с положением солнца на небосклоне. Герои калмыцких сказок, посещая верхний (небесный) и нижний (подземный) миры, а также место, где небо сходится с землей, обязательно направляются в сторону восхода или захода солнца. По древним представлениям, в стороне захода солнца находится все враждебное для человека. Там обитают противники героя сказки, имеющие связь с потусторонним миром. Отправившись в сторону заката, умирает Сын богача из сказки «Семеро братьев». В сторону захода солнца отправляется герой сказки «Бёргин Бёкин Цаган» на поиски черного облака, унесшего родившегося ночью жеребенка. Богатырь Шаджин Улан отправляется в сторону захода солнца, поскольку там живет предназначенная ему избранница, пятнадцатилетняя дочь кровожадного хана Алтан Дарни.

В калмыцких сказках герои вершат свои дела с утра, в самое благоприятное время дня. Так, Улан Хачир, Барс Мерген и Шарсал, герои одноименных сказок, отправляется на охоту рано утром. Манджин Зарлик отправляется на встречу с ханским сыном на утро следующего дня после своего прибытия. Таким образом, установка на то, что дополуденное время является наиболее благоприятным для любых начинаний, по всей видимости, связано с представлениями о том, что лучи восходящего солнца дают человеку особую энергию для реализации задуманного.

Согласно фольклорным представлениям, ночь и особенно час Быка — это время активности демонических персонажей: *алмасов, мусов, шулмусов, лусов, мангусов, эрликов, четкеров*, которые являются врагами героев сказок [Басангова, 2010, с. 95]. В сказке «Делгир» старуха-шулмуска ночью совершает подмену письма. В сказке «Богатырь Шарсал на буланом иноходце» («*Сайг саарл мөртэ Шарсл гидг баатр*») старуха-шулмуска трижды пытается выведать у богатыря, где находится его душа и добывается своего на третью ночь. В сказке «Бёргин Бёкин Цаган» каждую ночь некое черное облако крадет жеребят, родившихся ночью. «Ложность героев» сказки «Нусха Му» проявляется в том, что они отказываются стеречь могилу умершего отца ночью [Сарангов, 2012, с. 63].

Согласно калмыцким сказкам, утром сбываются загаданные ночью желания или разгадываются загадки. К примеру, герой «Сказки о юноше Бош со свистун-стрелой тош» («*Бош көвүн тош худьлтан тууль*») ночью загадывает желание, а утром оно исполняется. В сказке «Трое сыновей приметливого человека» («*Шинжэчин хурвн көвүн*») герой наутро разгадывает загадку хана.

Считалось, что солнечные лучи полуденного времени наиболее активны и опасны, поэтому эти часы предназначались для отдыха. Даже в пути полдень был временем обязательного отдыха. По всей вероятности, знойный полдень считался временем связи с потусторонним миром. В сказке «Юноша Эркя Билдер» герой попадает в потусторонний мир в полдень и встречает там мифическую птицу Гаруду. В сказке «Барс Мергн баатр» старшая сестра героя отправляет послание, в котором написано: «Возле дома пику воткну, в острие пики иглу воткну, иглу ватой оберну, завтра в полдень приезжай и забери меня» [Калмыцкие богатырские ..., 2017, с. 86—87]. Назначение свидания в полдень указывает на то, что сестра героя связана с потусторонней силой.

Судя по содержанию сказок, встреча героя с кем-либо в полдень не сулила ему ничего хорошего. Так, в сказке «Богач с Дона и богач с Волги» герой в полдень встретился с семью мужчинами, которые обманым путем забрали у него верблюдов, груженных приданым его невесты. В полдень мальчик Амха Шара из сказки «Хадыр Хара Авги Хан Сенаки на вороном коне с лысиной» встречает алчную старуху-шулмуску с козьими ножками.

В сказках красота персонажей часто описывается посредством сравнения с солнцем. Так, при свете, излучаемом суженой Богатыря Улада, «можно было стеречь табун, при свете лика ее можно было рукоделием заниматься» [Калмыцкие волшебные ..., 2020, с. 444—445]. В сказке «Сын медведя» мать главного героя предстает красавицей с солнечным светом на лбу и лунным светом на макушке [Сказки ..., 2017, с. 21]. По-

добные сказочные представления восходят к солярному культу и древним представлениям о женской красоте как животворной силе небесного светила.

Богатыри калмыцких сказок обладают необычной способностью напускать тьму и холод на землю и зажигать маленькое солнце (иногда луну и солнце) на своих ладонях. Так, Богатырь Харти Хара Кюкюл, пытаясь поймать упущенных им семерых птенцов, напускает вьюгу. Затем «на двух ладонях своих солнце зажжет». На свет солнца слетаются птицы, он ловит семерых птенцов, которые являются душами семи мангасов [Калмыцкие богатырские ..., 2017, с. 288—289]. Подобный мотив встречается и в других богатырских сказках.

Таким образом, в представлении калмыков день воспринимался не просто временем между восходом и заходом солнца, он был строго регламентирован исходя из положения солярного божества на небосклоне. Утренние часы «желтого солнца» считались наиболее благоприятными для всех начинаний. Нельзя было начинать задуманное вечером, особенно на закате «красного солнца». Все эти представления, нашедшие свое отражение в калмыцком сказочном фольклоре, являются подтверждением того, что реликты древнего культа почитания солярного божества продолжали сохраняться в мифологическом сознании калмыков.

4. Заключение = Conclusions

В древности предки калмыков почитали Солнце как божество, дарующее свет, тепло и жизнь, молились ему о благополучии и совершали жертвоприношения. Согласно древним представлениям, существующий мир возник в результате устранения хаоса и мрака с появлением Солнца и Луны. Мифы об их происхождении сохранили в себе исходные этнические представления о творении мира с помощью пахтания океана.

Элементы древнего культа Солнца присутствуют в содержании более поздних по времени легендарных текстов, которые символически отражают важные события истории народа. Благополучие народа в новом месте обитания не мыслится без небесного светила. Для его обретения в жертву приносится лучший богатырь народа. Учение Будды уподобляется свету солярного божества, рассеивающего тьму разума.

В представлении калмыков традиционные занятия в течение светового дня соотносились с положением солярного божества на небе. Утренние часы «желтого солнца» считались наиболее благоприятными для всех начинаний. Нельзя было начинать задуманное на закате «красного солнца». Такие представления, нашедшие свое отражение в калмыцком сказочном фольклоре, служат подтверждением того, что реликты древнего культа по-

читания солярного божества продолжали сохраняться в мифологическом сознании калмыков.

В свадебной традиции калмыков солярное божество причисляется к числу священных объектов поклонения. Обряд выбрасывания бараньей головы в дымоход юрты символически воспроизводит акт творения мира. Обрядовое действие символически открывает вертикальную связь домашнего очага с солярным божеством. Элементы древнего культа поклонения Солнцу прослеживаются и в древних национальных праздниках. С принятием буддизма они наполнились новым содержанием, однако не утратили элементы культа почитания Солнца.

Таким образом, сохранившиеся реликты солярного культа в мифологии, свадебных обрядах, календарных праздниках и сказочном фольклоре свидетельствуют о том, что культ Солнца был той основой, на которой сформировалось этническое мировидение калмыков.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Словарь* — Индуизм. Джайнизм. Сиккхизм : Словарь / под общ. ред. М. Ф. Альбедиль и А. М. Дубянского. — Москва : Республика, 1996. — 576 с.
2. *Калмыцкие* волшебные сказки / вступ. ст. Б. Б. Горяевой ; сост., указатели Б. Б. Горяевой, Д. В. Убушиевой ; перевод, примеч., коммент., словарь Б. Б. Горяевой, Т. А. Михалевой, Д. В. Убушиевой ; отв. ред. А. А. Бурыкин, В. Л. Кляус, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. — Москва : АО «Первая Образцовая типография», Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2020. — 584 с. — ISBN 978-5-906881-42-7.
3. *Калмыцкие* богатырские сказки / вступит. ст. Б. Б. Манджиевой ; подготовка текстов, переложение калмыцких текстов, пер. Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой, Ц. Б. Селеевой ; примеч. комментарии, указатели, словарь Б. Б. Манджиевой, Ц. Б. Селеевой ; отв. ред. А. А. Бурыкин, В. Л. Кляус, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев ; Калмыцкий научный центра РАН. — Москва : АО «Первая Образцовая типография», Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2017. — 561 с. — ISBN 978-5-906881-41-0.
4. *Мифы*, легенды и предания калмыков / подгот. текстов, пер., вступ. ст., примеч., коммент., указ., словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой ; отв. ред. А. А. Бурыкин, Е. Н. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. — Москва : Наука, Вост. лит., 2017. — 367 с. — ISBN 978-5-02-039802-3.
5. *Очилов Н.* Живая старина. Сост., вступит. ст., коммент. Б. А. Бичеева / Н. Очилов. — Элиста : Калм. кн. изд-во, 2006. — 398 с. — ISBN 5-7539-0549-8.
6. *Сказки* народов Евразии. «Сын медведя» / сост., автор предисл. Е. Э. Хабунова. — Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2017. — 190 с. — ISBN 978-5-91458-246-0.
7. *Семь звезд.* Калмыцкие легенды и предания / составитель Д. Э. Басаев. — Элиста : Калм. кн. изд-во, 2004. — 415 с. — ISBN 5-7539-0513-7.

Литература

1. *Бадмаев Н.* Цаган-сара (калмыцкий праздник) / Н. Бадмаев // Астраханские Епархиальные ведомости. — 1898. — № 4. — С. 135—142.
2. *Бакаева Э. П.* Добуддийские верования калмыков / Э. П. Бакаева. — Элиста : АГТП «Джангар», 2003. — 357 с. — ISBN 5-94587-112-5.
3. *Бакаева Э. П.* Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования / Э. П. Бакаева // *Oriental Studies*. — 2020. — Т. 13. — № 3. — С. 661—687. — DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-661-687.
4. *Басангова Т. Г.* Демонологические персонажи в фольклоре калмыков / Т. Г. Басангова // *MONGOLICA*. — 2010. — № 9. — С. 95—98.
5. *Батырева С. Г.* Цвет и пространство в традиционной культуре ойратов Монголии и калмыков России / С. Г. Батырева, Д. Гантулга // *Secreta Artis*. — 2021. — Т. 4. — № 2. — С. 86—95. — DOI: <https://doi.org/10.51236/2618-7140-2021-4-2-86-95>.
6. *Бичеев Б. А.* Свадебный обряд как отражение представлений о смерти / Б. А. Бичеев // VI Конгресс этнографов и антропологов России : тезисы докладов. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2005. — С. 184.
7. *Болдырева В. В.* К вопросу об ориентации жилища у калмыков / В. В. Болдырева, А. Б. Лиджиев // *Вестник Института комплексных исследований аридных территорий*. — 2019. — № 1 (38). — С. 127—129.
8. *Вольная Г. Н.* Образ барана в прикладном искусстве Кобанской культуры и традиционной культуре населения Центрального Кавказа / Г. Н. Вольная, Ф. Т. Найфонова // *Известия СОИГСИ*. — 2016. — № 21 (60). — С. 5—23.
9. *Галданова Г. Р.* Семантика архаичных элементов свадьбы у тюрко-монгольских народов / Г. Р. Галданова // *Традиционная обрядность монгольских народов*. — Новосибирск : Наука, 1992. — С. 71—89.
10. *Горяева Б. Б.* Калмыцкая волшебная сказка : сюжетный состав и поэтико-стилевая система / Б. Б. Горяева. — Элиста : ЗАОР «НПП «Джангар»», 2011. — 128 с. — ISBN 978-5-94587-476-3.
11. *Душан У. Д.* Избранные труды / У. Д. Душан. — Элиста : КИГИ РАН, 2016. — 376 с. — ISBN 978-5-903833-00-9.
12. *Еремина В. И.* Ритуал и фольклор / В. И. Еремина. — Ленинград : Наука, 1991. — 206 с.
13. *Манджиева Б. Б.* К изучению образа героя калмыцкой богатырской сказки / Б. Б. Манджиева // *Монголоведение (Монгол судлал)*. — 2017. — № 11. — С. 113—119.
14. *Мартынова Н. В.* Миф о трех солнцах, как отражение представлений о культе солнца в древней культуре мира / Н. В. Мартынова, И. Ли // *The scientific heritage*. — 2020. — № 54. — С. 3—9.
15. *Михайлов Г. И.* Проблема фольклора монгольских народов / Г. И. Михайлов. — Элиста : Калм. кн. изд-во, 1971. — 235 с.
16. *Мушаев В. Н.* Лингвокультурологические аспекты калмыцкой астрономической лексики в сравнительном освещении / В. Н. Мушаев, В. Н. Хонинов, Б. В. Баринова // *Вестник Калмыцкого университета*. — 2021. — № 3 (51). — С. 106—113. — DOI: 10.53315/1995-0713-2021-51-3-106-113.
17. *Надбитова И. С.* Сюжетный фонд калмыцких волшебных сказок / И. С. Надбитова // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. — 2011. — № 4. — С. 188—192.

18. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. [Репринт. изд.] / А. М. Позднеев. — Элиста : Калм. кн. изд-во, 1993. — 492 с.

19. Сарангов В. Т. Фольклор калмыцкого народа / В. Т. Сарангов. — Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2012. — 136 с.

20. Селеева Ц. Б. Рудименты солярной мифологии в эпосе «Джангар» / Ц. Б. Селеева // Научная мысль Кавказа. — 2011. — № 1. — Ч. 2. — С. 89—92.

21. Сем Т. Ю. Космический олень в нарративах и ритуалах тунгусо-маньчжуров как архетипический символ / Т. Ю. Сем // Традиционная культура. — 2020. — Т. 21. — № 4. — С. 112—121. — DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.4.009>.

22. Сефербеков Р. И. Мифологические образы Солнца и Луны в верованиях народов Дагестана / Р. И. Сефербеков // Вестник Института ИАЭ. — 2007. — № 4. — С. 64—103.

23. Убушиева Ж. А. Символика желтого цвета в языковой традиции калмыков / Ж. А. Убушиева // Вестник Калмыцкого университета. — 2022. — № 3 (55). — С. 106—113. — DOI: [10.53315/1995-0713-2022-55-3-106-113](https://doi.org/10.53315/1995-0713-2022-55-3-106-113).

24. Хабунова Е. Э. Очаг. Обряды и обрядовый фольклор жизненного цикла калмыков / Е. Э. Хабунова. — Элиста : АО «НПП Джангар», 2005. — 206 с. — ISBN 5-94587-194-1.

25. Шараева Т. И. «Когда говорят о свадьбе, то даже и иссохший череп катится» (к вопросу о значении бараньей головы в свадебных обрядах) / Т. И. Шараева // Человек и культура. — 2019. — № 5. — С. 73—81. — DOI: [10.25136/2409-8744.2019.5.27474](https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.5.27474).

26. Шараева Т. И. «И откуда Ваши сваты?» (реалии и ментальные образы пространства в свадебном обряде калмыков) / Т. И. Шараева // Новые исследования Тувы. — 2019. — № 3. — С. 135—148.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 27.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

Albedil, M. F., Dubyansky, A. M. (eds.). (1996). *Dictionary of Hinduism. Jainism. Sikkism: A Dictionary*. Moscow: Republika Publ. 576 p. (In Russ.).

Fairy tales of the peoples of Eurasia. "Son of the bear". (2017). Elista: Publishing House of Kalm. University. 190 p. ISBN 978-5-91458-246-0. (In Russ.).

Kalmyk heroic tales. (2017). Moscow: JSC "First Exemplary Printing House", Chekhov Printing Yard Branch. 561 p. ISBN 978-5-906881-41-0. (In Russ.).

Kalmyk magic tales. (2020). Moscow: JSC "First Exemplary Printing House", Chekhov Printing Yard Branch. 584 p. ISBN 978-5-906881-42-7. (In Russ.).

Myths, legends and traditions of the Kalmyks. (2017). Moscow: Nauka, East lit. 367 p. ISBN 978-5-02-039802-3. (In Russ.).

Ochirov, N. (2006). *Zhivaya starina*. Elista: Kalm. publishing house. 398 p. ISBN 5-7539-0549-8. (In Russ.).

Seven stars. Kalmyk legends and traditions. (2004). Elista: Kalm. publishing house. 415 p. ISBN 5-7539-0513-7. (In Russ.).

References

Badmaev, N. (1898). Tsagan-sarah (Kalmyk holiday). *Astrakhan Diocesan Gazette*, 4: 135—142. (In Russ.).

- Bakayeva, E. P. (2003). *Pre-Buddhist beliefs of the Kalmyks*. Elista: AGTP “Dzhangar”. 357 p. ISBN 5-94587-112-5. (In Russ.).
- Bakayeva, E. P. (2020). Veneration of the Big Dipper among the Oirats and Kalmyks: ancient beliefs and Buddhist strata. *Oriental Studies*, 13 (3): 661—687. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-661-687. (In Russ.).
- Basangova, T. G. (2010). Demonological characters in Kalmyk folklore. *MONGOLICA*, 9: 95—98. (In Russ.).
- Batyreva, S. G., Gantulga, G. (2021). Color and space in the traditional culture of the Oirats of Mongolia and Kalmyks of Russia. *Secreta Artis*, 4 (2): 86—95. DOI: <https://doi.org/10.51236/2618-7140-2021-4-2-86-95>. (In Russ.).
- Bicheev, B. A. (2005). The wedding ceremony as a reflection of ideas about death. In: *VI Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia: abstracts*. Saint Petersburg: MAE RAS. P. 184. (In Russ.).
- Boldyreva, V. V., Lidzhiev, A. B. (2019). On the issue of housing orientation among Kalmyks. *Bulletin of the Institute of Integrated Studies of Arid Territories*, 1 (38): 127—129. (In Russ.).
- Dusan, U. D. (2016). *Selected works*. Elista: KIGI RAS. 376 p. ISBN 978-5-903833-00-9. (In Russ.).
- Eremina, V. I. (1991). *Ritual and Folklore*. Leningrad: Nauka Publ. 206 p. (In Russ.).
- Galdanova, G. R. (1992). Semantics of archaic wedding elements among the Turkic-Mongolian peoples. In: *Traditional rituals of the Mongolian peoples*. Novosibirsk: Nauka Publ. 71—89. (In Russ.).
- Goryaeva, B. B. (2011). *Kalmyk fairy tale: plot structure and poetic-stylistic system*. Elista: ZAOr NPP Dzhangar. 128 p. ISBN 978-5-94587-476-3. (In Russ.).
- Khabunova, E. E. (2005). *Hearth. Rituals and ritual folklore of the Kalmyk's life cycle*. Elista: AOr “NPP Dzhangar”. 206 p. ISBN 5-94587-194-1. (In Russ.).
- Manjjeva, B. B. (2017). Towards the study of the image of the hero of the Kalmyk heroic tale. *Mongol studies (Mongol sudlal)*, 11: 113—119. (In Russ.).
- Martynova, N. V., Li. I. (2020). The myth of the three suns as a reflection of ideas about the cult of the sun in the ancient culture of the world. *The scientific heritage*, 54: 3—9. (In Russ.).
- Mikhailov, G. I. (1971). *The problem of folklore of the Mongolian peoples*. Elista: Kalm. publishing house. 235 p. (In Russ.).
- Mushaev, V. N., Honinov, V. N., Barinova, B. V. (2021). Linguistic and cultural aspects of Kalmyk astronomical vocabulary in comparative light. *Bulletin of the Kalmyk University*, 3 (51): 106—113. DOI: 10.53315/1995-0713-2021-51-3-106-113. (In Russ.).
- Nadbitova, I. S. (2011). Plot fund of Kalmyk fairy tales. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*, 4: 188—192. (In Russ.).
- Pozdneev, A. M. (1993). *Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia in connection with the latter's relations to the people*. [Reprint. ed.]. Elista: Kalm. publishing house. 492 p. (In Russ.).
- Sarangov, V. T. (2012). *Folklore of the Kalmyk people*. Elista: Publishing House of Kalm. Univ. 136 p. (In Russ.).
- Seferbekov, R. I. (2007). Mythological images of the Sun and Moon in the beliefs of the peoples of Dagestan. *Bulletin of the Institute of IAE*, 4: 64—103. (In Russ.).
- Seleeva, Ts. B. (2011). Rudiments of solar mythology in the epic “Dzhangar”. *Scientific thought of the Caucasus*, 1 (2): 89—92. (In Russ.).

- Sem, T. Y. (2020). The cosmic deer in the narratives and rituals of the Tungus-Manchus as an archetypal symbol. *Traditional culture*, 21 (4): 112—121. DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.4.009>. (In Russ.).
- Sharaeva, T. I. (2019). “And where do your matchmakers come from?” (realities and mental images of space in the Kalmyks wedding ceremony). *New studies of Tuva*, 3: 135—148. (In Russ.).
- Sharaeva, T. I. (2019). “When they talk about a wedding, even a withered skull rolls” (on the question of the meaning of a ram’s head in wedding ceremonies). *Man and culture*, 5: 73—81. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.5.27474. (In Russ.).
- Ubushieva, J. A. (2022). The symbolism of the yellow color in the Kalmyks linguistic tradition. *Bulletin of the Kalmyk University*, 3 (55): 106—113. DOI: 10.53315/1995-0713-2022-55-3-106-113. (In Russ.).
- Volnaya, G. N., Naifonova, F. T. (2016). The image of a ram in the applied art of Koban culture and the traditional culture of the population of the Central Caucasus. *Izvestiya SOIGSI*, 21 (60): 5—23. (In Russ.).

*The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 27.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*